

и существует несамостоятельным образом»¹¹. Этот мир гетерономен, т. е. он зависит от объективного идеального мира, к которому онтологически относятся чистые интенциональные предметы.

¹ Kawiecki P. Symboliczny charakter wiedzy a przedmiot poznania// Gdanskie Zeszyty Humanistyczne. R. 27. N. 31.

² Mały słownik terminów filozoficznych. Warszawa, 1983.

³ Ajdukiewicz K. Sprache und Sinn//Ajdukiewicz K. Das Weltbild und die Begriffsapparatus. Erkenntnis 4, 1934. S. 259—287; Ajdukiewicz K. O znaczeniu wyrażenia//Język i poznanie. T. 1. Warszawa, 1985.

⁴ Ajdukiewicz K. O znaczeniu wyrażenia. Op. cit. S. 32.

⁵ Ibid. S. 126.

⁶ Znaniecki F. Wstęp do socjologii. Poznan, 1922. S. 32.

⁷ Ibid. S. 31.

⁸ Ibid. S. 33.

⁹ Ibid. S. 34.

¹⁰ Ingarden R. Wstęp do fenomenologii Husserla. Warszawa, 1974. S. 48.

¹¹ Ingarden R. Spór o istnienie świata. Warszawa, 1987. T. 1. S. 181.

Перевод с польского Б. Жилко.

* * *

Ю. Я. ДМИТРИЕВ

(Кафедра философии РАН)

Теория категорий Иммануила Канта

Эта проблема является центральной в теоретическом наследии Канта, что обусловлено рядом моментов. Во-первых, местом и ролью, которые придавал ей сам Кант. Анализ категорий специально посвящена его трансцендентальная аналитика. Без исследования категорий и выполняемых ими функций (а также возможностей, механизмов и границ их применения в познавательной деятельности субъекта) была бы невозможна и его трансцендентальная диалектика. Ведь космологические идеи разума, побуждающие рассудок выходить за пределы опыта и неизбежно приводящие к возникновению антиномий, суть, по Канту, не что иное, как те же категории, но «расширенные до безусловного» (3, 392). Анализ этих вопросов является также необходимой предпосылкой для последующего перехода от теоретического (познавательного, спекулятивного) к практическому применению категорий, к исследованию проблем этики, а затем и эстетики. Во-вторых — решающим вкладом, который был сделан Кантом в разработку теории категорий. И в-третьих, тем, что достигнутые им здесь результаты имеют не только историческое, но и — в соответствующем переосмыслении — все более возрастающее современное значение. Так, например, интенсивное развитие современной науки все более настоятельно выдвигает

гает задачу тщательного исследования философских категорий в их процессуальном и результирующем аспектах, детального анализа их значения как форм получения и организации научного знания (не говоря уже о слабой разработанности этой проблемы в современной философии и необходимости целостного исследования ее категориального аппарата).

Анализу тех принципиально новых моментов, которые были внесены Кантом в разработку теории категорий, и посвящена настоящая статья.

* * *

Непреходящее значение Канта в развитии учения о категориях состоит прежде всего в том, что он перенес основное внимание с исследования их онтологического содержания (что было характерно для всей предшествующей ему философии) на анализ логической, гносеологической и методологической функций категорий и, прежде всего, на выявление их роли как форм мышления, форм производства и организации научного знания. Как хорошо показал Э. В. Ильенков, Кант совершил тем самым «полный переворот во взглядах на предмет логики как науки о мышлении». Он «впервые начинает видеть *главные* логические формы мышления *в категориях*, включая тем самым в состав предмета логики то, что вся предшествующая традиция относила к компетенции онтологии, метафизики и ни в коем случае не логики»¹.

Более того. Кант впервые подверг систематическому анализу не только логический, но также гносеологический и методологический аспекты категорий, рассмотрел эти аспекты (вместе с их онтологическим аспектом) в их единстве и субординационной взаимосвязи, предпринял попытку дать систему философских категорий, вывести их «из одного общего принципа», раскрыть механизм применения категориального аппарата к чувственным данным.

Всякое знание, считает Кант, включает в себя «два весьма разнородных элемента», а именно «материю» для познания, которую составляют ощущения, возникающие в результате воздействия «вещей в себе» на органы чувств человека, и «некоторую форму», с помощью которой многообразие ощущений упорядочивается и сводится к единству. В качестве формального принципа познания выступают априорные (т. е. доопытные, не зависящие от какого бы то ни было опыта) формы чистого созерцания (пространство и время) и априорные формы рассудка (категории). Эти формы, пишет Кант, «приходят в действие и производят понятия при наличии чувственного материала» (3, 183).

В целях обоснования всеобщности и необходимости научного знания Кант резко разделяет, разграничивает вначале категориальные функции, выделяет логическую функцию в «чистом» ви-

де, тщательно исследует (хотя и в идеалистической, априористической форме) ее сущность, роль и значение в познавательной деятельности субъекта.

Логическая функция категорий не зависит, по Канту, ни от их гносеологической, ни от онтологической функций. Более того, она определяет как ту, так и другую. Будучи априорными, доопытными, изначально присущими человеческому рассудку формами мыслительной деятельности, категории выступают вначале лишь как средства, условия, орудия познания, как «действия чистого мышления» (3, 158), т. е. исключительно в логическом аспекте. Выполняя «чисто логические функции» (4(1), 153), они лишены гносеологического и онтологического содержания, не являясь ни формами знания об этих предметах, ни, тем более, формами их отражения. Категории, постоянно подчеркивает Кант, «сами по себе... вовсе не знания, а только *формы мышления* для того, чтобы из данных созерцаний породить знания» (3, 296).

Всеобщность и необходимость, присущие философским категориям как априорным, чисто формальным условиям познания, становятся свойствами и достоянием также и формируемого посредством их активной деятельности содержательного (в кантовском понимании этого слова) знания. Ведь категории становятся в результате синтеза с чувственным материалом важнейшими и неотъемлемыми составными компонентами знания, наделяя его свойственными им характеристиками, — положение, ради которого Кант и пришел к априорным исходным посылкам своей гносеологии.

Логическая функция категорий не зависит, согласно Канту, и от их онтологической функции (определяя в конечном счете также и ее). В них не отражается объективная реальность, природы (в материалистическом ее понимании), они не имеют (и не могут иметь) объективного, предметного содержания. Ведь категории «не выводятся из природы», а поэтому и «не соотносятся с ней как с образцом» (3, 212).

Но несмотря на изначальный отрыв категориальных функций друг от друга, Канту принадлежит та великая заслуга, что он исследовал категории как формы мышления, как необходимые и всеобщие средства познания, показал их значение как орудий переработки и синтеза чувственных данных, выявил их активную роль в познавательном процессе.

Жестко отделив логическую функцию категорий от их гносеологической и онтологической функций и получив, как он считает, за счет этого (за счет превращения категорий в лишенные всякого содержания априорные формы мысли) возможность обоснования всеобщности и необходимости научного знания, Кант приступает к реализации этой возможности, к анализу применения категориальных форм в познавательном процессе (или, по терминологии Канта, к их трансцендентальной дедукции), т. е.,

по существу, к объединению, синтезу изначально разделенных им категориальных функций, к превращению категорий из чистых форм познания в содержательные формы знания.

Выступая как средства, инструменты, орудия познания (т. е. в своем логическом аспекте), категории «приходят в действие» и производят знания «при наличии чувственного материала». Гносеологическая функция категорий заключена, следовательно, в виде возможности в их логической функции. Но реализуется эта возможность (категории как формы мышления *становятся* также и формами знания) лишь при одном неизменном условии — при условии применения их к чувственным данным. «...Мысль о предмете вообще посредством чистого рассудочного понятия может *превратиться* (курсив мой. — Ю. Д.) у нас в знание лишь тогда, когда это понятие относится к предметам чувств» (3, 201).

Вместе с тем категории играют в составе знания решающее значение. Они «определяют» предмет знания, сообщают знанию свойства всеобщности и необходимости. Логический и гносеологический аспекты категорий сведены, слиты здесь Кантом воедино. Они взаимопроникают друг в друга в составе знания.

В учении Канта о категориях как формах мышления, о категориальном синтезе чувственных данных в процессе возникновения и формирования знания, о единстве логического и гносеологического аспектов категорий, об их активной, творческой деятельности в процессе познания содержались исключительно ценные, принципиально новые идеи и положения, имеющие непреходящее значение для диалектической логики и теории познания.

Как же соотносятся у Канта логический и гносеологический аспекты категорий с их онтологическим аспектом? Анализируя этот вопрос, нужно иметь в виду прежде всего то характерное для кантовской философии своеобразное обстоятельство, что, перерабатывая «грубый материал чувственных впечатлений в познание предметов, называемое опытом» (3, 105), т. е. трансформируясь из чистых форм мышления *в содержательные формы знания* (в результате синтеза с этим материалом), *категории не становятся* тем самым *формами отражения* внешних предметов, объективной реальности. Ведь ни сами категории «не соотносятся с природой, ни данные чувств (формами мышления для которых они являются) не имеют с ней никакого сходства.

Сказанное, однако, отнюдь не означает, что категории лишены у Канта онтологического значения. Ибо, превращаясь в формы знания, они становятся, по Канту, формами *самого существования* предметов, но понимаемых как явления, как формируемые посредством логических структур предмета опыта. Несмотря на идеалистический характер и явную парадоксальность полученного Кантом вывода (категории как формы мышления, превращаясь в формы знания, становятся формами самого существо-

вания предметов), в нем содержалась гениальная догадка о реализующемся в практической деятельности (в материалистическом ее понимании) единстве логического, гносеологического и онтологического аспектов категорий. Здесь берет свои истоки учение Гегеля о тождестве мышления и бытия.

Предмет познания был представлен Кантом «в качестве категориальной структуры (формы), «заполняемой» чувственным материалом (содержанием). Тем самым *мысль была введена в самую структуру предметов — «явлений»*² (курсив мой. — Ю. Д.). Активность категорий как логических форм, средств, орудий познавательной деятельности человека — положение, занявшее в рациональном осмыслении важнейшее место в современной гносеологии и диалектической логике, — гипертрофируется Кантом и выливается в конечном счете в их трактовку как форм созидания и бытия самой действительности, природы (как мира явлений).

И как бы подводя итог анализу проблемы соотношения логической функции категорий с их гносеологической и онтологической функциями, Кант говорит, что только при помощи категорий как форм мышления (как логических форм) мы получаем «возможность а priori познавать... все предметы, какие только могут являться нашим чувствам, и притом не по форме их созерцания, а по законам их связи, следовательно, возможность как бы а priori предписывать природе законы и даже делать ее возможной» (3, 210).

Что же касается соотношения гносеологической и онтологической функций категорий, то (это уже отчасти видно из предшествующего анализа) они у Канта, по существу, не различаются: явление как феномен знания есть вместе с тем явление как предмет природы. Познавая, «определяя» предмет, мы его вместе с тем и создаем («определяем» форму его бытия, наполняем ее чувственным материалом). Ибо познание есть не что иное, как процесс соединения форм мышления (категорий) с чувственными созерцаниями, а предметы природы — уже соединенное, сращенное единство того и другого. Эти два феномена — знание о предмете и сам предмет — синтезированы в понятии «предмет опыта», который выступает одновременно и как результат процесса познания (соединения чувственности и рассудка), и как наличный предмет природы (понимаемый как явление).

Итак, категории выступают у Канта как логические условия и средства познавательной и созидательной (конструирующей природу как мир явлений) деятельности человека, как формы логического синтеза чувственных данных, производящие как знание о предмете, так вместе с тем и сам предмет (определяющие форму его бытия как предмета опыта). Они — не только формы, в которых познаются предметы. Они вместе с тем (и именно вследствие этого) также и формы их действительного существования.

Логическая функция категорий выступает тем самым как изначальная, главная, определяющая по отношению к гносеологической и онтологической функциям и реализуется в них. Они сливаются воедино в предметах опыта. Логическая форма здесь как бы погружена и в знание о предмете, и в сам предмет (которые, в свою очередь, также совпадают), определяя всеобщность и необходимость знания и закономерность природы.

Кант перевернул, следовательно, действительную субординацию категориальных функций, рассмотрев в строго обратной последовательности их действительное соотношение. Ведь именно потому, что категории являются формами отражения объективной реальности (т. е. имеют онтологическое — в материалистическом понимании этого слова — значение), они выступают как формы знания, полученного в ходе развития процесса познания, ступенями которого они являются (выступая в гносеологической функции), и выполняют вследствие этого логическую функцию форм мышления, обусловленную закрепленным в них в этом процессе категориальным содержанием. Они могут выполнять логическую функцию лишь благодаря своему содержанию и складываются как формы мышления в процессе развития познания и практики, выявления всеобщих сторон и связей действительности. В свою очередь изучение гносеологического и логического аспектов категорий (их возникновения, развития и функционирования в познавательном процессе) помогает дать последовательно научный анализ их онтологического аспекта, глубже раскрыть специфически присущее им содержание, дать целостное обоснование их природы.

Но в проведенном Кантом «перевертывании» реального соотношения категориальных функций («коперниканском перевороте» в философии) таились глубокие гносеологические корни и крылось важное рациональное содержание. В своем решении Кант четко выявил и резко сформулировал проблему логических предпосылок познания, вскрыл тот реальный гносеологический факт, что прежде чем познавать тот или иной объект, мы должны обладать соответствующими средствами познания, логическими формами освоения действительности, наличным в данном обществе (и на данной ступени его развития) категориальным аппаратом, сложившейся структурой мышления. Эти логические предпосылки не вырабатываются в опыте отдельного человека и по отношению к нему действительно имеют характер некоторой априорной данности. Но они (чего не смог раскрыть Кант) — продукт всей предшествующей общественно-исторической практики, обобщение всего человеческого опыта познания и преобразования действительности³. Они, следовательно, априорны по отношению к каждому отдельному человеку, но они апостериорны по отношению к историческому развитию человечества. Они имеют социально опытное, хотя и индивидуально внеопытное происхождение.

Научное решение поставленной Кантом проблемы требовало, следовательно, социально-исторического подхода к пониманию человека, т. е. объяснения его как продукта существующего общества и рассмотрения человеческого общества в процессе исторического развития. С применением такого подхода с необходимостью рушатся как априористические конструкции Канта, так и его агностицизм. Ибо при таком рассмотрении логическое условие само неизбежно оказывается обусловленным, априорное — апостериорным, индивидуальное — социальным, допытное — опытным. А раз так, то логическая предпосылочность выступает уже не как раз и навсегда данная и неизменная, как полагал Кант, а обязательно принимает различные исторически обусловленные формы.

Рассмотрев содержание и субординацию логической, гносеологической и онтологической функций категорий, Кант подчеркивает вместе с тем их ориентирующее, *методологическое* значение, раскрывает *регулятивную* роль категорий как «правил рассудка», как «логических требований в отношении всякого знания» (3, 180). Однако более рельефно он вычленяет и дифференцирует эту (методологическую) функцию применительно к таблице категорий.

Ибо Кант не ограничился анализом категориальных функций и их субординации в общем виде (или же применительно к отдельно взятым категориям). Он пытается установить количество и состав всех таких «первоначальных понятий рассудка», составить таблицу категорий (выражающую «форму системы их в человеческом рассудке»), раскрыть логическое, гносеологическое, онтологическое и методологическое значение не только каждой категории в отдельности, но и всей разработанной им системы, пытается исследовать эту систему в единстве и субординационной взаимосвязи всех категориальных функций. Тем самым Кантом была поставлена кардинальная философско-методологическая проблема, которая полностью сохранила всю свою актуальность для современной диалектики, теории познания и логики и которая еще весьма далека от разрешения.

Однако *решение* Кантом этой проблемы имело существенные недостатки. Так, все категории рассудка, считает он, могут быть выведены из соответствующих видов суждений формальной логики. И если представить установившуюся в ней классификацию суждений по их форме, то чистые понятия рассудка «окажутся вполне точно им параллельными» (4(1), 120). Следовательно, все категории можно разделить (воспроизводя классификацию суждений) на четыре группы: по количеству, качеству, отношению и модальности—каждая из которых состоит из трех категорий. С помощью этих двенадцати категорий, утверждает Кант, можно «полностью измерить рассудок», ибо «именно только они и только в таком количестве могут составлять все наше познание вещей из чистого рассудка» (4(1), 144).

Кант очень гордится проведенной им классификацией категорий, ибо, как он подчеркивает, это деление «систематически развито из одного общего принципа», что позволяет рассмотреть категории не как определенный конгломерат или агрегат понятий, а соединить их «в одно познание», т. е. представить в виде системы (см.: 3, 175—176; 4(1), 143—144). В связи с этим Кант настоятельно указывает, что именно *в системе* категорий (а не в каждой из них в отдельности) их методологическая функция (как, впрочем, и все другие) получает свое наиболее полное и адекватное выражение. Она состоит в том, что применение таблицы категорий делает «систематическим само изучение каждого предмета чистого разума и служит достоверным наставлением или путеводной нитью, указывающей, как и через какие пункты необходимо проводить полное метафизическое исследование...» (4(1), 145).

Но применив формально-логический принцип классификации категорий, Кант неизбежно приходит к выводу, что число категорий и их состав являются строго ограниченными, раз и навсегда данными и неизменными. Поэтому указанная им «путеводная нить» «образует замкнутый круг, так как необходимо проводить ее всегда через одни и те же постоянные пункты, а priori определенные в человеческом рассудке; этот круг не оставляет никакого сомнения в том, что предмет чистого понятия рассудка или разума, если только он рассматривается философски и согласно априорным основоположениям, может быть познан таким образом полностью» (4(1), 146).

Понимание системы категорий как чего-то замкнутого, абсолютного и неизменного однозначно определило кантовскую методологию (в данном ее аспекте) как метафизическую, что явилось впоследствии объектом острой и обстоятельной критики Гегеля. К тому же в его таблицу (в этот «замкнутый круг») вошли далеко не все известные в то время философские категории. Так, Кант не включил в нее пространство, время (которые выступают у него не как категории рассудка, а как априорные формы чувственности), материю, движение и некоторые другие. С другой стороны, в нее вошли некоторые понятия, которые, строго говоря, не являются философскими категориями. Но несмотря на это, сама попытка представить категории в виде системы, вывести их «из одного общего принципа», раскрыть выполняемые ею функции представляла, безусловно, одну из важнейших заслуг Канта в разработке теории категорий.

Не имея здесь возможности (как и необходимости) подробно анализировать все категории трансцендентальной аналитики, конкретизируем рассмотренные выше общие положения кантовской теории категорий применительно к количеству и качеству, составляющим две из четырех категориальных групп его таблицы и получившим у него название математических.

Первой категорией в системе Канта является категория ко-

личества. Она предполагает сплошную однородность синтезируемого материала. Свойство же однородности априорно присуще лишь пространству и времени. Но поскольку пространство и время являются в то же время всеобщими, необходимыми условиями (формами) существования предметов (как явлений), то все предметы с необходимостью подпадают также и под синтезирующую функцию категории количества.

Пространство является, по Канту, формой внешнего чувственного созерцания, которая вносит необходимое единство в его многообразное содержание. «Но то же самое синтетическое единство, если отвлечься от формы пространства, находится в рассудке и представляет собой категорию синтеза однородного в созерцании вообще, т. е. категорию *количества*, с которой, следовательно, синтез схватывания, т. е. восприятие, должен всецело сообразоваться» (3, 211). Категория количества выполняет, таким образом, функцию синтеза многообразного однородного. Это и есть ее изначальная, логическая функция. Количество представляет собой чистое синтетическое единство однородного вообще, независимо от форм существования этого однородного (пространства или времени) и от их конкретных проявлений (например, от образов, начертанных в пространстве воображением).

Как же реализуется логическая функция категории количества в других ее функциях? Будучи чистым рассудочным понятием, категория количества, как и другие категории в системе Канта, совершенно неоднородна с чувственными созерцаниями. Поэтому применение категорий к явлениям (в процессе которого они получают свое гносеологическое и онтологическое значение, т. е. превращаются в формы знания и в формы (законы) самого существования предметов (явлений) может быть осуществлено только благодаря посредствующему представлению, однородному как с категориями, так и с явлениями. Этим посредствующим представлением выступает трансцендентальная схема, или время, являющееся в отличие от пространства формой внутреннего чувственного созерцания.

Каждой группе категорий соответствует, по Канту, определенная характеристика (определение, модус) времени. Такой характеристикой, выражающей категорию количества, является временной ряд. Именно посредством временного ряда осуществляется подведение чувственных представлений под категорию количества (или, что то же самое, применение ее к ним). При этом априорные определения времени, или схемы, подчеркивает Кант, нельзя отождествлять с образами, которые всегда являются единичными созерцаниями и никогда не достигают «общности понятия». Так, например, если проставить пять точек (.....), то это будет образ числа пять. Если же мыслить «число вообще», безотносительно к его конкретному, единичному проявлению (т. е. счет, проводимую во времени операцию сложения, по-

средством которой некоторое множество представляется в одном образе), то оно будет выступать как схема, как правило порождения, созидания определенного количества. Схема представляет собой, следовательно, метод, способ, правило синтезирования, создаваемое воображением на основе соответствующей категории рассудка и имеющее целью достижение «единства в определении чувственности».

Учением о схематизме чистого рассудка Кант поставил исключительно важную и принципиальную проблему — проблему применения категорий к чувственным данным (его механизма, условий, правомерности и т. п.), которая не нашла еще своего должного решения и по сегодняшний день.

Применение категорий к чувственным данным приводит, по Канту, к соответствующим основоположениям, т. е. априорному (а следовательно, всеобщему и необходимому) знанию о соответствующих характеристиках предметов возможного опыта и, соответственно, к конструированию, *созданию самих этих характеристик* в предметах (т. е. к воплощению в них категориальных форм). Именно в этом процессе логическая функция категорий реализуется, воплощается в гносеологическую и онтологическую функции, и категории раскрываются вместе с тем в своем эвристическом, прогностическом значении: мы можем *a priori* (т. е. до всякого опыта) предсказать наличие соответствующих им характеристик (форм) в любых явлениях.

Как уже отмечалось, в основе всех явлений лежат, по Канту, пространство и время как априорные формы их существования. Но пространство и время, будучи формами чистого созерцания, представляют собой нечто однородное, однокачественное и к тому же бесконечно делимое (т. е. состоящее из частей). Поэтому предметы (как явления) могут быть восприняты лишь в процессе синтеза однородных моментов пространства и времени в определенные пространственно-временные формы, «т. е. посредством сложения однородного и осознания синтетического единства этого многообразного (однородного). Но осознание многообразного однородного в созерцании вообще, поскольку лишь посредством него становится возможным представление об объекте, есть понятие величины (*quantiti*)» (3, 328). Откуда следует, что «все явления суть величины, и притом *экстенсивные величины*», ибо они как созерцания в пространстве или времени могут быть познаны «только посредством последовательного синтеза (от части к части) в схватывании» (3, 238). Это и есть основоположение, вытекающее из применения категории количества (как формы мышления) к возможному опыту и лежащее (вместе с другими основоположениями) в основе чистого естествознания.

В этом рассуждении Канта можно выявить и проследить рассмотренную ранее в общем виде субординацию категориальных функций. Так, логическая функция категории количества (как

последовательного синтеза многообразного однородного) воплощается в гносеологическую функцию (любое явление познается в своем количественном аспекте только благодаря этому синтезу), а вместе с тем создается, конструируется в данном процессе сама количественная определенность как всеобщая и необходимая онтологическая характеристика явления, как его величина («все явления суть величины»).

Подведение всех явлений под определение величины (т. е. установление всеобщего характера количественной определенности предметов опыта) является тем необходимым условием, которое позволяет применять к ним математические положения. Поэтому основоположение категории количества выступает как априорный принцип, лежащий в основе такого применения. «Именно благодаря этому основоположению чистая математика со всей ее точностью становится приложимой к предметам опыта, тогда как без него это не было бы ясно само собой и, более того, вызывало бы много противоречий» (3, 240).

В свете современных исследований рассматриваемой проблемы представляет существенный интерес кантовское решение вопроса о соотношении количества, величины и числа, а также пространства и времени. Рассмотрим сначала соотношение количества и величины. Этот вопрос Кант решает не всегда достаточно последовательно и однозначно. С одной стороны, определения количества и величины по существу не отличаются у него друг от друга (ср., напр.: 3, 211 и 238). К тому же величина (множественность) входит у Канта в группу категорий количества, занимая в ней важнейшее место.

С другой стороны, Кант все же больше склоняется к тому, чтобы различать количество и величину по их специфическим функциям. Так, если для количества характерно прежде всего выполнение собственно категориальной (в кантовском понимании категорий), *логической* функции (функции синтеза многообразного однородного в созерцании вообще), то величина чаще выступает в своем *онтологическом* аспекте, т. е. как *результат применения* категории количества к предметам опыта как полученная в итоге этого применения всеобщая и необходимая характеристика предметов (явлений). Категория количества (как логическая категория) находит, по Канту, свою «объективную значимость» (т. е. онтологическое содержание) только в чувственном созерцании, выступая как его величина.

Это подтверждается и в трансцендентальной диалектике Канта, когда мы пытаемся применить синтезирующую (логическую) функцию категории количества к определению мира самого по себе, т. е. к познанию *величины* мира как безусловного целого (решая вопрос о его конечности или бесконечности).

Число же выступает, по Канту, как схема, как способ, посредством которого, применяя категорию количества, мы познаем и одновременно создаем все явления как величины (как

способ трансформации, перехода, превращения логической функции категории количества в ее гносеологическую и онтологическую функции).

Что касается пространства и времени, то Кант не отождествляет их с категорией количества хотя бы уже потому, что пространство и время суть априорные формы чувственности, а количество — априорная категория рассудка. Однако явления могут быть количественно определены, а категория количества, соответственно, получить свое реальное содержание только благодаря пространственно-временным формам.

Любая категория содержит в себе, по Канту, «чистое синтетическое единство многообразного вообще» (3, 221). Но если категория количества представляет собой синтез многообразного однородного, то категория качества есть «принцип... сочетания также и *неоднородных* частей знания в одном сознании» (3, 181). Положение о категориях как о единстве многообразного сыграло исключительно важную роль в дальнейшем развитии теории познания, в учении Гегеля о диалектике абстрактного и конкретного и — в материалистическом переосмыслении — в решении данной проблемы Марксом.

Группа категорий качества включает в себя, по Канту, категории реальности, отрицания и ограничения. Определением времени, опосредствующим подведение явлений под категорию качества, является *содержание времени*. В соответствии с этим «реальность в чистом рассудочном понятии есть то, что соответствует ощущению вообще, следовательно, то, понятие чего само по себе указывает на бытие (во времени). Отрицание есть то, понятие чего представляет небытие (во времени)» (3, 224).

Так как пространство и время суть «чистые (только формальные) созерцания», то все предметы восприятия содержат в себе помимо пространственно-временных форм также материю, наполняющую эти формы. Такой материей, или содержанием предметов, являются получаемые нами из опыта ощущения. Именно ощущения и представляют собой собственно эмпирическое качество чувственных созерцаний. «Всякое же ощущение имеет степень или величину, благодаря которой оно может наполнять одно и то же время, т. е. внутреннее чувство в отношении одного и того же представления о предмете, в большей или меньшей мере вплоть до превращения в ничто (= 0 = negatio)» (3, 224).

В отличие от состоящих из частей экстенсивных величин, Кант определяет данные величины как интенсивные. «Величину, которая схватывается только как единство и в которой множественность можно представлять себе только путем приближения к отрицанию = 0, я называю *интенсивной*. Следовательно, всякая реальность в явлении имеет интенсивную величину, т. е. степень» (3, 243), ибо между реальностью и отрицанием существует бесконечный ряд промежуточных ощущений (реальностей),

никогда не допускающий превращения ее в «совершенное отрицание», т. е. в нуль. Этот вывод и является, по Канту, основоположением, вытекающим из категории качества.

Таким образом, всеобщий характер количественной определенности позволяет антиципировать (предвосхитить) нечто даже в ощущении или в содержании явления, которое познается только в опыте, но никак не а priori. Это нечто и есть интенсивная величина явления или степень его влияния на чувство. Только ощущение, только эмпирическое качество явления, подчеркивает Кант, не имеет априорного источника своего происхождения. Но то, что качество обладает всегда количественной определенностью — это можно сказать а priori о всяком качестве.

Как и количество, категория качества выступает прежде всего, по Канту, как «чистая» форма мысли, как априорная категория рассудка и имеет в силу своего априорного источника всеобщий и необходимый характер. Посредством соответствующего категории качества основоположения Кант пытается доказать также всеобщий характер качественной определенности предметов природы (понимаемых как явления). Ибо хотя в нем и говорится о количестве, но о количестве *качества* (интенсивная величина связана с качеством, есть величина качества).

Кант различает, следовательно, «реальность в чистом рассудочно понятый» и реальность в чувственном созерцании, «реальность в явлении», или, другими словами, качество как форму (форму мышления), как принцип синтезирования, как «чистую» категорию рассудка — и качество как содержание явления, как «собственно эмпирическое», как ощущение. В первом из этих значений качество выполняет свою логическую функцию, функцию категории логики. Во втором — выступает как соответствующий ей в чувственном мире (в мире явлений) «предмет», как ее онтологический «аналог».

Причем благодаря всеобщему характеру категорий можно антиципировать (предсказать) наличие качества и количества в любых свойствах предметов, в том числе количества — в качественных характеристиках, а качества — в количественных, что прекрасно иллюстрирует еще одну из исследованных Кантом категориальных функций — прогностическую. «Достоин удивления, — резюмирует Кант анализ одного из основоположений чистого рассудка, — что в величинах вообще мы можем познать а priori только одно их *качество*, а именно непрерывность, а во всяком качестве (в реальном [содержании] явлений) мы познаем а priori только интенсивное *количество* их, т. е. то, что они имеют степень; все же остальное предоставляется опыту» (3, 248).

Но все эти исключительно важные, принципиально новые идеи были разработаны Кантом в априорно-идеалистической форме. Ведь категории не выводятся, согласно Канту, из природы и не являются вследствие этого формами ее отражения. На-

против, сама природа должна согласоваться с категориями. Поэтому всеобщие и необходимые характеристики предметов природы (всеобщие формы бытия) полностью детерминированы соответствующими априорными категориями рассудка. Причем, постоянно подчеркивает Кант, «я не говорю, что вещи *сами по себе* имеют величину, что их реальность имеет степень, что их существование содержит связь между акциденциями в субстанции и т. д.». Ибо «основное ограничение понятий в этих основоположениях состоит в том, что все вещи необходимо а priori подчинены названным условиям только как *предметы опыта*» (4(1), 127). И следовательно, только в «опыте» логическая функция категорий реализуется в гносеологическую и онтологическую функции. Исключительно сферой «опыта» ограничиваются также и их прогностические возможности.

Что же касается вещей самих по себе, то категории не имеют к ним никакого отношения и принципиально к ним не применимы. Поэтому и вытекающие из них методологические требования направляют и нацеливают нас не на познание вещей как они есть, а на познание (синтез) только явлений. «Категории,— подчеркивает Кант, — должны быть ограничены областью явлений как своим единственным предметом, потому что без этого условия они теряют всякое значение, т. е. отпадает отношение к объекту, так что никаким примером нельзя даже уяснить себе, какая, собственно, вещь мыслится под таким понятием» (3, 303).

Однако, повинаясь требованиям разума (цель которого — достижение безусловного синтетического единства), рассудок вынужден применять категории (как логические формы синтеза) не только к явлениям, но и к вещам самим по себе, к познанию мира как безусловного целого. И тогда неизбежно возникают антиномии, анализ которых уже выходит за рамки настоящей статьи.

¹ Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1984. С. 66.

² Богомолов А. С. Проблема абстрактного и конкретного: от Канта к Гегелю//Вопр. филос. 1982. № 7. С. 147.

³ См.: Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. М., 1973. С. 148—150; Шинкарук В. И. Единство диалектики, логики и теории познания. Введение в диалектическую логику. Киев, 1977. С. 50—54, 79—80 и др.

Г. М. АДЕЛЬШИН

(Вильнюсский университет, Литва)

Гегелевское решение кантовских «математических» антиномий

В статье не предполагается «критически переосмыслить» и без того до предела критически настроенного Канта, используя для этого мощный инструмент — диалектику Гегеля. Целью работы было вникнуть в существо аргументов и того, и другого